

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР «АРХЭ»

Сборник 2

БОСПОРСКИЙ СБОРНИК

2

Москва 1993

Редактор Я.М. Паромов

Печатается по решению дирекции НИИЦ "Архэ".
119021, г. Москва, ул. Льва Толстого, д. 8, строение 3, кв. 20.
Тел. 247-35-33

© НИИЦ "АРХЭ" Ю. 89/03/

К ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА
В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВВ.

История археологических исследований на Таманском полуострове неоднократно привлекала к себе внимание исследователей [ДБК; Гёрц, 1898а, 1898б; Ростовцев, 1914, 1925; Марти, 1926]. Слабо изучен начальный период, о котором мы знаем лишь из немногих отрывочных упоминаний путешественников. Дополнить уже известные сюжеты новыми фактами нам позволяют архивные материалы, частью "забытые", частью впервые вводимые в научный оборот.

Тамань была присоединена к России в 1770-х гг. в результате русско-турецких войн. В 1792 г. императрица Екатерина II даровала земли полуострова запорожским казакам, положив начало Черноморскому казачьему войску. Активное возведение крепостей и станиц потребовало большого количества строительных материалов. Самым простым способом их добычи оказалась ломка камня из руин древних построек. С хозяйственными, строительными и фортификационными работами связаны первые археологические открытия на полуострове.

Нехваткой строительных материалов объясняются распоряжения и приказы о добыче камня для возведения Фанагорийской крепости. В ордере от 26 февраля 1792 г.* судьи Черноморского казачьего войска А.А. Головатого начальнику Черноморской флотилии полковнику С.Л. Белому предписывается "с имеющихся в городе Измаиле и селении Старой Килии на гробовчицах мраморных камней широких взять на каждую лодку сколько можно побольше и употребить старание и труды доставить оные сюда" [Дмитренко, 1896а, с. 436]. Следовательно, на Тамань свозился камень и из других райо-

* Даты приводятся по старому стилю. Документы публикуются с сохранением орфографии подлинника.

нов Северного Причерноморья. Аналогичен по сути более поздний приказ от 13 мая 1793 г. С.Л. Белого, к тому времени уже командующего войсками, всем полковникам и старшинам.

"Его сиятельство господин генерал-инспектор и всех российских орденов кавалер граф Александр Васильевич Суворов-Рымникский повелел взять близ лежащих развалившихся Таманской крепости стен и башен камень, а сверх того и все найденные мраморные камни и другие древние вещи, имеющие на себе достопамятные знаки, кои и хранить для приличного употребления на новую крепость. Для того предписываю всем сего войска командирам, в Тамани находящимся, с получения сего зараз строжайше по всем куреням такову ломку и продажу стен запретить, а буде кто будет в старом или близ оного укрепления нашед, продавать и брать, то наказан будет, а заплативший теряет свои деньги. Для строения же вынимали бы камень и собирали из фундаментов бывшего хоромного строения, коего наши там довольное количество находят, о чем объявляя всем старшинам, атаманам и казакам в каждом курене и, сняв с сего копии впредь для исполнения, возвратить в мою канцелярию" [Дмитренко, 1896а, с. 610].

Подобный приказ у современного человека может вызвать чувство недоумения. Не отрицая господствовавшего в то время утилитарного, потребительского отношения к памятникам истории, когда руины зачастую использовались в качестве каменоломен, мраморы пережигались на известь, монеты и изделия из драгоценных металлов переплавлялись в слитки и т.п., следует все же учитывать, что на землях, недавно включенных в состав Российской империи, еще не существовало ни одного музея древностей, частные коллекции только формировались. В приказе А.В. Суворова недаром обращается внимание на древние "мраморные камни и другие древние вещи, имеющие на себе достопамятные знаки". В конце XVIII в. заделка в стены новых построек надписей, рельефов и архитектурных деталей считалась надежным средством их сохранности для будущих поколений. Так, П.С. Паллас, посетив Еникале, настоял на вделывании в стену крепости нескольких древних камней, осмотренных им в доме коменданта [Pallas, 1801, s. 280]. А.В. Суворова, вероятно, не обошло известие об открытии командиром егерского батальона премьер-майором Х.К. Розенбергом в 1792 г. Тмутараканского камня, найденного солдатами на городище Тмутаракани и уложенного у входа в казарму в качестве порога. Показательна дальнейшая

судьба памятника. Командир Черноморской флотилии П.В. Пустошкин отправил камень в Севастополь адмиралу Н.С. Мордвинову [Guthrie, 1802, p. 182—183]. Екатерина II узнала о находке в 1793 г. и приказала вернуть памятник в Тамань [Воронов, Михайлова, 1983, с. 163—164]. По настоянию Таврического вице-губернатора К.И. Габлица вокруг камня соорудили ограду, на что пошло 3,5 кубических сажени камней, 75 возов глины, 15 возов песка, а для охраны поставили караульных [Дмитренко, 1896а, с. 378, 422]. Первоначально "монумент" возвели в версте от станицы близ разрушенного фонтана, "между частыми песчаными курганами и на самом низменном месте", где его видел И.М. Дерibas [Дмитренко, 1896б, с. 741]. Однако из-за удаленности места редко кто приходил к нему "любопытствовать", поэтому А.А. Головатый предложил переместить надпись к только что построенной в Тамани ц. Покрова Пресвятой Богородицы, в саду которой необходимо построить "монумент не таковым планом, каков ныне есть тесен, внутри темно, но так, чтобы оный камень лежал на середине оного монумента на 4-х каменных столбах, как бы на эшафоте с порядочною крышею откровенно, дабы вся надпись деяний князя Глеба без трудности любопытствующим видна была, при этом же для его и ради церкви единоместный караул существовать может" [Дмитренко 1898, с. 25]. Землемер Самбулов выполнил план нового "монумента", и летом 1795 г. Тмутараканский камень был перенесен за ограду церкви [Дмитренко, 1896а, с. 422].

В августе 1803 г. памятник видел архитектор Н.А. Львов, в то время "главный директор угольных приисков и работ в империи, главный начальник земляного битого строения в экспедиции государственного хозяйства". В поездке по Кавказу и Крыму его сопровождали живописцы Академии художеств Алексеев и И.А. Иванов [Будылина, Брайцева, Харламова, 1961, с. 40—41]. В ограде церкви хранились "мрамор времен греческих гегемоний" с надписью и барельефом в виде двух крылатых гениев с лавровыми венками в руках, обломок античной статуи (торс воина), две "генуэзские" капители. Собрав находки воедино, Н.А. Львов водрузил "памятник древней русской истории" в приделе фанаторийского храма. Основанием памятнику служили "генуэзские" капители, сверху их прикрывал Тмутараканский камень, выше — барельеф с крылатыми гениями. Композицию венчал торс воина античного времени. На обломке колонны Львов высек надпись, завершающуюся словами: "Свидетель веков, послу-

жил... к обретению исторической истины о царстве Тмутараканском, найденный 1792 ... из былия извел Львов-Никольской 1803..." В дорожной тетради архитектора сохранился рисунок обломка мраморного греческого барельефа, "из Фанатории привезенного и в церкви Таманской оставленного 1803 авг. 17". Там же есть рисунок места, где найден Тмутараканский камень [Глумов, 1980, с. 178—179, рис. 54].

После смерти Н.А. Львова его вдова передала Академии художеств "планы и виды разным местам на Кавказской линии, на Тамане и в Крыму", в том числе "Жилище священника в Тамане у церкви, где теперь хранится знаменитый Тмутараканский камень", "Вид старого турецкого земляного дома, служащего ныне казармою, славного по найденному под дверью его камню с славянской надписью, в Тамане" [Петров, 1864, с. 587—589]. Виды И.А. Иванова хранятся в Эрмитаже. К чуть более позднему времени относится "План камня, найденного в старом городе Тамани. Снят и сделан 1811 года октября 25 дня. Снял с подлинника инженер поручик Крамаровской" [1, л. 1]. Это тот самый барельеф "с крылатыми гениями" и надписью Евпатория 590 г. [Латышев, 1896, №99, с. 105—107], который Н.А. Львов использовал в своем памятнике "русской истории". Еще долгие годы Тмутараканский камень находился в Тамани и лишь в 1851 г. он поступил в Эрмитаж в составе большой партии античных и средневековых древностей Крыма и Тамани, отправленных в столицу из Керченского музея.

К числу первооткрывателей таманских древностей с полным правом можно отнести инженерного генерала Ван дер Вейде (Van der Weide) или Вандервейде [Формозов, 1975, с. 175], проводившего раскопки в окрестностях ст. Сенной в конце XVIII в. Точная их дата неизвестна. Впервые они упомянуты у П.С. Палласа в позднейшем, сокращенном издании его путешествия [Pallas, 1803], где появилось такое добавление: "Потом был раскопан другой большой курган, но о найденных в нем достопамятностях я не получил точных сведений. Что в нем было найдено несколько драгоценных вещей, доказывает золотой браслет с змеиной головой грубой работы, впоследствии попавший в руки умершего в Тамани инженера Ван дер Вейде" (перевод С.П. Белявской и А.Л. Бертье-Делагарда) [2, л. 105. Ср.: Паллас, 1883, с. 73]. Как справедливо подметил А.Л. Бертье-Делагард, в предыдущих изданиях книги (английском, немецком, французском) этого добавления нет.

Самую полную информацию о раскопках мы находим в книге Э.Д. Кларка, путешествовавшего по Тамани в июле 1800 г.,

цитатно повторенную Ф. Дюбуа де Монпере и К.К. Гёрцем. Английский ученый писал, что начальник инженеров в Тамани генерал Вандервейде (Vanderweide) при помощи солдат гарнизона провел раскопки самого крупного кургана. Работа была нерационально начата с вершины, поэтому пришлось скрыть целую гору. Раскопав восточную сторону насыпи, солдаты открыли вход в сводчатую камеру, выложенную насухо из хорошо отесанных блоков местного известняка. За первой помещалась вторая камера, вход в которую украшали боковые пилястры. Над сводом склепа между двумя слоями земли была обнаружена прослойка камки толщиной в 2 дюйма [Clarke, 1812, p. 527—528; Гёрц, 18986, с. 4—7]. Ф. Дюбуа де Монпере полагал, что архитектура склепа и прежде всего полуциркулярная форма свода говорят о том, что "постройка эта времен позднейших, после римской оккупации" [Dubois de Montpereux, 1843, p. 76—78]. Однако еще М.И. Ростовцев датировал его IV—III вв. до н.э., как и большинство курганов с монументальными погребальными склепами [Ростовцев, 1815, с. 270], что подтверждается находкой "нескольких ваз черной глины, окруженных белыми украшениями" [Clarke, 1812, p. 529].

Кларк сообщает, что солдаты, проводившие раскопки, похитили все ценное, что можно было спрятать, а чернолаковые вазы разбили. Правда, в примечании он далее пишет, что несколько ваз все же уцелели и были посланы в Москву. Фан дер Вейде удалось сохранить только браслет в виде туловища змеи, изогнутого по эллипсу, весом в 3/4 фунта. Две головки увенчивают его концы и украшены рубинами вместо глаз. Генерал намеревался его отправить в императорский Кабинет в С. Петербург [Clarke, 1812, p. 529—530].

Действительно, в делах архива Государственного Эрмитажа удалось найти документы, подтверждающие получение браслета. "Две змейки, соединенные в одно хвостиками овальное кольцо наподобие браслета, коих головки с обеих концов, не соединяясь вместе, а поворотясь, смотрят одна на другую, как бы желая укусить друг друга. Сия древняя вещь из чистого золота, обложена различными гранатами, состоит по каталогу вещей в Эрмитаже под №165, поднесена государю императору Павлу I генералом Корсаковым в 1800 г., имеет в себе весу 56 золотников чистого тонкого золота..., по своей древности и редкости она не может быть оценена так, как другие вещи по той причине, что все древние вещи имеют идеальную неограниченную оценку, зависящую по большей части от знатоков и

любителей древности. Я полагаю, что сия вещь стоит более 3000 рублей" [3, л. 2]. Документ, к сожалению, не подписан. Он, вероятно, был составлен или начальником I Отделения Эрмитажа акад. Е.Е. Кёлером, или хранителем II Отделения Ф.А. Бруни. В 1854 г. по докладной записке помощника хранителя II Отделения Б.В. Кёне браслет был передан в I Отделение и стал храниться "в одной из витрин эрмитажного кабинета государыни императрицы". Б.В. Кёне писал, что браслет был найден "в царствование императрицы Екатерины II генералом Фан-дер-Вейде на острове Тамане, в кургане близ станции Сенной, находящейся на месте древнего города Фан-гории" [4, л. 1—4].

Когда же происходили раскопки кургана Фан дер Вейде?

В июле 1793 г., "ради обозрения любопытства местоположений", Тамань посетил известный археолог своего времени И.О. Потоцкий [Дмитренко, 1896а, с. 411]. Э.Д. Кларк упомянул о том, что граф Потоцкий "кистью записал свою фамилию на поверхности свода" погребальной камеры кургана Фан дер Вейде, выразив надежду, что тот когда-нибудь опубликует некоторые детали и замечания о раскопках памятника и найденных в нем вещах [Clarke, 1812, p. 528]. П.С. Паллас, объезжавший Тамань в августе 1794 г. [Дмитренко, 1896, с. 447], об этом факте не сообщает. Видел ли П.С. Паллас курган Фан дер Вейде? Скорее всего, нет. В литературе высказывалось мнение, что один из описанных Палласом курганов с точным обозначением размеров и есть курган Фан дер Вейде [Гёрц, 18986, с. 4, прим. 1], однако это опровергается цитируемым выше отрывком из упрощенного 1803 г. лейпцигского издания книги путешествия ученого. Поэтому можно предположить, что раскопки кургана Фан дер Вейде происходили, вероятнее всего, в самом начале 90-х годов XVIII в., не позднее 1793 г.

В начале XIX в. на древности Тамани обратили взгляды ученые Петербурга. Хранитель Эрмитажа, впоследствии академика Е.Е. Кёлер посетил Тамань, вероятно, в августе—сентябре 1804 г. [5, л. 87]. Важнейшим открытием поездки стала находка памятника царицы Комосарии, которому он посвятил специальное исследование, впоследствии переведенное на русский язык [Koehler, 1805; Кёлер, 1850], где впервые были опубликованы несколько надписей из Таманской церкви (КБН 1039, 1043, 1045, 1046, 1049). Уточнению списков надписей Е.Е. Кёлер посвятил неделю, с 30 августа по 4 сентября 1821 г., во время своего второго путешествия по Новороссийским землям. В дошедшем до нас дневнике поездки 1821 г.

имеется ряд интереснейших сведений о таманских памятниках.

Памятник Комосарии состоял из двух статуй — женской и мужской, пьедестала с выемками для статуй и надписью на нем (КБН 1015). "В 1804 г. я нашел на хуторе казацкого полковника Рахманова, расположенном в непосредственной близости от описываемого холма [мыса Андри-Атам или Рахмановского, ныне г. Борисоглебская на западном берегу Ахтанизовского лимана. — *И.Т.*], камень с надписью Комосарии, стоявший в чистом поле, рядом с женской скульптурой, тогда как мужская скульптура все еще лежала в Темрюкском лимане — о ней было известно, но ее вытащили оттуда позже. Она, вероятно, очень долго пролежала в воде, о чем свидетельствует ее необычайно стертая поверхность", — писал Е.Е. Кёлер. Женскую статую с отбитой головой, выполненную из песчаника (местного известняка) ученый принял за изображение Комосарии — "работа посредственная, однако замысел не лишен достоинств". Мужская статуя, по предположению антиквара, принадлежала Перисаду и была выполнена из мрамора, но оказалась сильно повреждена: отсутствовали голова, руки и ноги ниже колен. "Работу также едва можно назвать посредственной, к тому же и вся поверхность сильно стерта. Обе скульптуры с оборотной стороны вовсе не обработаны, так что определение их исполнения как посредственного касается одной лицевой стороны... Они сильно повреждены; вероятно, в давние времена их вместе с надписями (на плитах) сбросили с горы и при этом разбили. Сочетание в одном памятнике мрамора и известняка не должно показаться странным, если учесть слабое развитие изобразительного искусства в странах, далеких от Эллады. Все произведения из мрамора, вместе взятые, найденные на Тамани, в количественном отношении уступают обнаруженным в Ольвии" [6, л. 38, 39]. Пьедестал выглядел так: на нем "имелись два углубления, одно слева от зрителя, для [скульптуры] царицы, ноги которой выступают над цоколем, что заставило сделать на плите с надписью дополнительные углубления. Другое углубление справа от зрителя, для [скульптуры] царя; статуя с его изображением также имела цоколь" [6, л. 38].

Это описание скульптур существенно дополняет опубликованную В.Е. Кёлером информацию о памятнике. До сих пор общепринятой была точка зрения, согласно которой мужская статуя была выполнена из известняка, а не из мрамора. Еще К.К. Гёрец справедливо упрекал предшественника в том, что

он, "исключительно занятый надписями и монетами, обратил слишком мало внимания на обе статуи, хотя ему мы обязаны известием о них" [Гёрец, 18986, с. 8]. Действительно, Е.Е. Кёлер не привел их размеры, хотя и приложил к публикации рисунки скульптур. Судьбу памятников проследила Н.П. Розанова: мужская статуя впоследствии пропала, а женская была помещена под навес Таманской церкви, где ее видел Ф. Дюбуа де Монпере в начале 1830-х гг., затем она оказалась в Керчи, но после Второй мировой войны тоже исчезла. Пьедестал с надписью хранится в Эрмитаже [Розанова, 1949, с.86—87].

Довольно скудные сведения известны о раскопках 1817—1818 гг. в курганах вокруг ст. Тамань [Гёрец, 18986, с. 10]. Так, А.Б. Ашик несколько раз упоминал о них, но подробностей не сообщал [Ашик, 18486, с. 15, 16, 27]. Мельком на них останавливался и Д.В. Карейша [Карейша, 1844, с. 618]. "Какого рода были эти древности и какая была их судьба — нам совершенно неизвестно," — заключает К.К. Гёрец [Гёрец, 18986, с. 10]. Но в последние годы удалось обнаружить архивные материалы, проясняющие этот вопрос. Дополнением могут служить указания П. Дюбрюкса и В.Г. Тизенгаузена, неизвестные ни К.К. Гёрцу, ни Ю.Ю. Марти [Латышев, 1889, с. 148—149; Гёрец, 18986, с. 150—151; Марти, 1926, с. 54]. Заслугой А.А. Формозова является установление имени и биографических данных автора раскопок 1817—1818 гг. — инженерного начальника Фанагорийской крепости полковника Ячгекта Лаврентьевича Парокья [Формозов, 1975, с. 172].

По общепринятым нормам служебной субординации Я.Л. Парокья обязан был поставить в известность собственное начальство об открытых древностях. Военный инженер, генерал-лейтенант граф К.И. Опперман сообщил о находках генерал-инспектору по инженерной части великому князю Николаю Павловичу, будущему императору Николаю I. Последний повелел передать таманские находки 1817—1818 гг. на хранение в императорскую Публичную библиотеку. Однако после открытия богатейших древностей в кургане Куль-Оба они были переданы в Эрмитаж и хранились "с прочими подобными вещами в особой комнате". До нас дошли списки найденных вещей и описания открытых погребений [7, л. 1—1 об., 20—21 об.].

В 1817 г. близ Фанагорийской крепости "при рытии каменных плит с косогора на берегу Боспорского пролива" были открыты две гробницы. Первая — длиной "в свету 8 фут

1 дюйм, шириною 3 фута 2 дюйма, глубиною 2 фута 7 дюйм". В ней "лежали одни кости в натуральном положении, неизвестного усопшего, головой к востоку, без правой ноги". Кости истлели и при прикосновении "обращались в пыль". Рост скелета оказался "7 фут, 3 дюйма, 9 линий". Вторая гробница была немного поменьше — "длина 6 фут 2 дюйма, ширина 3 фут 7 дюймов". В ней "праха покойного только существовал [так в тексте — *И.Т.*], что где была голова (здесь) найдена чаша неизвестного металла, на коей был припаян лавровый венок из кованной меди с позолотою; две неизвестные монеты; две медали медные; один золотой перстень, украшенный неизвестным металлом"; (в составленной директором Публичной библиотеки А.Н. Олениным описи — перстень, "в который по-видимому вставлена была железная разжавевшая печатка"); "одна глиняная миска и таких же пять вазиков, в коих находился пепел" (в описи — "глиняная миска и пять таких же вазиков, вроде так называемых лакриматорий; пепел, в них находившийся, в дороге и в переносках утратился"); "гвозди с позолоченными шляпками" (в описи — "гвоздей не было доставлено, а шляпки оказались не металлические, но из какого-то позолоченного вещества, подобного коже"); "одна золотая пряжка к поясу, с камнями" (в описи — "сей предмет более похож на запоны, употребляемые древними для застегивания их плащей; он составлен из овально-продолговатой золотой бляшки, в середине которой вставлен драгоценный плоский лопнувший камень, осыпанный семью такими же камушками. К гладкой нижней стороне приделаны, в обоих концах бляшки, золотые петельки, к которым прикреплены были шпильки для застегивания"); "один маленький ножик из металла" (в описи — "маленький ножик металлический (бронзовый); сей инструмент более походит на так называемый у древних стилос"); "частичка перевитого золота" (в описи — "часть самая малая перевитого или лучше сказать бусинками сделанного золота"); "поддонки глиняной посуды с некоторыми греческими буквами и посреди с неизвестным знаком" (в описи — "черепки битой посуды, как то делалось при обрядах погребальных у древних греков. На одном из сих черепков из рода так называемых этрусских ваз начерчены острым орудием следующие греческие слова: ΕΠΙΤΗΛΕ_" [7, л.2, 22 об. — 23, 25—26]. Судя по характеру инвентаря, второе погребение по наличию краснофигурных ("этрусских") ваз, лексифов и туалетных флаконов ("лакриматорий") может быть датировано в пределах IV в. до н.э.

Курган, ракопанный в 1818 г., описал Е.Е. Кёлер в дневнике путешествия в Новороссию 1821 г. На обратном пути из Фанатории в станицу Тамань ученого сопровождал комендант крепости Каламара и показал курган, "расположенный неподалеку, в трети версты от входа в крепость. Именно здесь инженер-майор нашел золотой венец и много других вещей, которые он послал великому князю Николаю Павловичу. Продолговатый четырехугольник внутри кургана имеет направление запад-восток. Внизу, на уровне земной поверхности также обнаружили погребения, а спустя много времени еще и погреб, расположенный значительно глубже погребальной камеры, в котором ничего не оказалось. Камни этого сооружения в дальнейшем использовали для постройки перехода, огражденного с обеих сторон каменной кладкой. Он начинался здесь, внизу и вел к крепости. Кладка велась сперва красивыми большими и широкими камнями и продолжалась более мелкими. Все это — обычные здесь в Крыму песчаник и известняк" [6, л. 38—38 об.].

О раскопках 1818 г. сообщает П. Дюбрюкс. В начале августа "подполковник Пароки, приказав брать в одном кургане глину для выделки кирпичей", открыл на глубине "6 фут и 4 дюйма ниже обыкновенного горизонта земли две каменные гробницы одинакового расположения и построения с найденными в прошлом году" [7, л. 23 об.]. П. Дюбрюкс пишет, что Парокия обнаружил сначала свод, сделанный из камня и извести, "столь крепко сплоченный, что хотели уже бросить работу, думая что это скала" [Латышев, 1889, с. 148]. Далее описание П. Дюбрюкса входит в противоречие с данными архивных документов. Согласно последним, "в первой из них [гробниц — *И.Т.*] тленные остатки показывали человека, имевшего рост в 6 фут и около 10 дюймов, и лежащего головою к востоку, как и в прошлом году найденные. Он был увенчан золотыми лаврами; на лбу к самой короне лежала золотая монета" (в описи — "венки лавровый в обломках: листья его и стебель сделаны из самых тонких золотых или электровых листов вроде фольги; при сем венке были медаль или монета золотая Филиппа Македонского — с одной стороны профиль Аполлона в лавровом венке (направо), на обороте бига или пара коней в колеснице (также направо), в ней стоит фигура и держит в правой руке бодило для подстрекания коней, а в левой вожжи; под передними ногами коней резубец, а внизу надпись ΦΙΛΙΠΠΟΥ; сия медаль оставлена была в коллекции Его императорского высочества, ныне благополучно царствующего

государя императора Николая Павловича"). "Под головою находилась часть глиняного блюда в мелких кусках" (в описи — "шесть кусков разбитого красного глиняного блюда; сии куски в разломах так помечены, что можно из них составить большую часть сей древней посуды"), "руки лежали прямо длине тела, и к правой найден золотой перстень с круглым камнем" (в описи — "перстень с печаткой в виде каточка или цилиндра каменного. На нем вырезаны внутрь две фигуры, одна изображает Бахуса или Вакха индейского с тирсом, а другая Ариадну или Либерию, то есть Бахуса мужского и женского по преданию древних. Камень просверлен во всю его длину. Сквозь этой сверлины пропущена золотая проволока, которая вздета сквозь дырочки обоих концов золотого кольца. Сие кольцо обработано наподобие плетеницы в виде скобки. Концы проволоки, проходящей сквозь печать, опутаны около оконечностей кольца или скобки. Каменный каточек вертится свободно около пропущенной в нем проволоки, таким образом, что можно печатать и той и другой фигурой"). "По обеим сторонам от плеч до окончания рук лежали серебряные сосуды с украшениями: с правой стороны три, а с левой четыре" (в описи — "серебряные сосуды и утварь для жертвоприношения и для очищения тела в банях и после гимнастических упражнений: два серебряных блюдечка, одно с отогнутыми краями, [другое] без краев; к другому блюдечку [третьему — И.Т.], кажется, припаяна была прекрасно обработанная ножка и ... две ручки. Все это вместе составляло приятнейшего вида чашечку (с позолоченной внутри полосой в виде плотносплетенного венка лаврового), которой форма часто встречается в греческих вазах, неправильно этрусскими называемых. Серебряное орудие (стригиль) — скобель, которым отскребали нечистоту тела в банях и пот, смешанный с песком и маслом, после гимнастических упражнений. Ситечко с ручкою, подобное ныне употребляемым для чая. Сосуды серебряные в виде небольшой крышки, украшенной позолоченными резьбами, крышка сей крышечки оканчивается отпаявшеюся шейкой и над ней верхушкой. В сем сосуде находится чашечка круглая серебряная и маленькая ложечка. В нем сохранился разный ладан. Серебряная подножка к блюдечку или чашке. Утварь, называемая по-латыни *Simpulum*, род черпака, которым черпали вино для излияний в сосуде, именуемом *praefegiculum*, род кувшина с узким довольно горлом. Вазик маленький серебряный с позолоченными чеканными украшениями и с отпаявшимся горлышком. В сем сосуде, вероятно, хранились

драгоценные духи и благовонные масла"); "от рук до ног также по обеим сторонам лежали сосуды глиняные, но почти все разбитые и один мраморный" (в описи — "разбитые глиняные сосуды такой же формы и состава, которые имеются в греческих глиняных сосудах, неправильно именуемых этрусскими. Мелкие обломки мраморного или алебастрового сосуда, называемого у древних греков алабастрон. Его употребляли для ношения в нем благородных масел"); "к ногам по левую сторону малый медный поднос с таковою же чашкою" (в описи — "медный подносец и чаша изогнутая медная"); "в голове в склепном камне вырезана буква А, и за оною в земле лежали от многих глиняных сосудов черепки".

А.Н. Оленин занялся изучением погребального инвентаря и пришел к выводу, что покойный "принадлежал к сану первосвященников культа Диониса" [7, л. 23 об. — 24, 26 об. — 29 об.]. Художником Ф.Г. Солнцевым были изготовлены рисунки древностей. Однако задуманное А.Н. Олениным издание керченских (вернее, кульобских) и фанагорийских древностей так в свет и не вышло.

Характер инвентаря — золотой статер Филиппа II Македонского (359 — 336 гг. до н.э.) [Зограф, 1961, табл. XI.2], краснофигурная и чернолаковая керамика, серебряные сосуды, алебастровый алабастр — позволяет датировать захоронение в пределах второй половины IV в. до н.э. П. Дюбрюкс писал, что в этом погребении были найдены скелеты трех человек [Латышев, 1889, с. 148], что не подтверждается описанием раскопщика.

В том же кургане открыли вторую гробницу, где "насыпано было из мягкого дерева уголья толщиной на 13 дюйм, в коем найденные золотые зерна и маленькая статулька, равно и серый испорченный от перстня камень с частичкою при нем золота, коим камень был украшен" (в описи — "В угольях мягкого дерева найдены были золотые зерна или бусы двух сортов. Маленькая сережка золотая, прелестной самой формы и мастерской отделки, изображающего летящего купидончика. Серый, как будто обожженный камень из перстня с частичкою в нем золотой проволоки, на которой он вертелся наподобие нынешних некоторых вертящихся печатей — резьбы на нем не имеется"). "Место, занимаемое гробницею и около оной, как еще видеть можно, на довольноное пространство было обожжено, а потом копаны ровики для постановления в них склепных камней" (в описи — "куски обожженной глины, взятые со дна гробницы; при них кусок дерева, сделавшийся

от времени необыкновенно легким") [7, л. 2 об., 24—24 об., 29 об.].

Дюбрюкс писал: "В небольшом кургане, соприкасающемся с этим, был род каменного ящика или сундука, в котором был глиняный сосуд большей величины, чем чаши [из первого погребения 1818 г. — *И.Т.*], заключавший в себе, как видно, кровь" [Латышев, 1889, с. 149]. О раскопках второго кургана в 1818 г. архивные документы умалчивают.

Открытые Парокья в 1817-1818 гг. погребения в подкурган-ных склепах с чисто греческим характером инвентаря, несомненно, принадлежат некрополю Горгииппии [Ростовцев, 1925, с. 287, прим. 1]. Как известно, Фанагорийская крепость помещалась на восточной окраине станицы Тамань, за неглубокой балкой [Воронов, Михайлова, 1983, с. 163]. Раскопки 1817 г. проводились на берегу Таманского залива близ крепости, в 1818 г. — в кургане, расположенном в трети версты от входа в крепость по дороге к Тамани. Мнение В.Г. Тизенгаузена, что в 1817—1818 гг. был исследован один и тот же курган, убедительно опровергается описаниями раскопщика [Гёрц, 1898б, с. 150—151].

Хотелось бы отметить достаточную подробность описания погребений, составленного самим автором раскопок. В Публичную библиотеку были отправлены не только драгоценности, но и разбитые глиняные сосуды, просто черепки, куски обожженной глины и дерева.

Важнейшим событием 1818 г. стало открытие надписи Ксеноклида (КБН 1014) и фундамента храма Артемиды Агротеры. П.И. Кёппен, посетивший Тамань в 1819 г., списал надпись в ахтанизовской церкви. По П.И. Кёппену, в 1818 г. один из пологих холмов на берегу Ахтанизовского лимана, в полуверсте к югу от Ахтанизовской станицы, превратился в извергающую грязь сопку. Небольшое землетрясение обрушило часть холма, а другую покрыло расщелинами. В одной из них жители станицы обнаружили на глубине около сажени (примерно 2 метра) каменный фундамент почти квадратного в плане здания, со сторонами около 66 английских футов (19 м). Крестьяне Денис Коваль и Андрей Лоянь стали разбирать фундамент на камень для постройки местной церкви Бориса и Глеба. По рассказам очевидцев, в противоположных углах были найдены два камня с надписями, обращенными текстом вниз [Кёппен, 1828, с. 80—83].

Историю открытия памятников записал в своем дневнике 1821 г. и Е.Е. Кёлер. "Я поехал дальше на север и попал в район

Сенной балки, находящейся у Таманского залива. На новейшей карте Крыма о 10 листах в этой местности указаны два холма по соседству друг с другом, из которых первый находится у помещения почты, а другой — к востоку от первого. Из этого холма в деревню Ахденизовка было доставлено невероятно большое количество камней, чтобы построить из них новую церковь. Следовательно, на указанном холме некогда было большое здание, построенное из хорошо обработанного местного известняка. Отсюда я отправился в Ахденизовку, деревню, расположенную в двух верстах к югу от почтовой станции Пересыпь у Азовского моря. Как раз здесь и начата, но еще не закончена постройка только что упомянутой церкви из камня с того самого кургана, о котором уже шла речь. Прежняя церковь стоит недалеко от новой, и в ней поставили очень красивую надпись, высеченную на песчанике. Она была найдена немногим более года тому назад на том самом месте, где обнаружен памятник царицы Комосарии. Надпись, найденная последней, с самого начала состояла из двух помещенных друг на друга камней, верхний из которых разбит. К счастью, надпись сохранилась полностью. Шрифт весьма красив и высечен очень тщательно, форма букв обладает совершенством, которое могло быть достигнуто с течением времени. Весьма значительный холм, внутри которого были обнаружены оба столь замечательных памятника, имеет изрядную высоту и площадь. Он расположен на небольшой косе, вклинивающейся в Темрюкский лиман. На новейшей карте Крыма этот холм обозначен именем некогда находившейся возле него деревни Андрис Отеиз (?), впоследствии разрушенной. К северу от этого места находится Азовское море, к западу — Таманский залив [...]. Судя по памятнику, найденному последним, на этом холме стоял храм Дианы Агротеры. Памятник Комосарии и, вероятно, многие другие, которые могут быть найдены в дальнейшем, возможно, также и Месториппуса [КБН 1039 — *И.Т.*], были размещены вне храма" [6, л. 39]. Рассказ об обстоятельствах находки Кёлера несколько отличается от сведений, приводимых Кёппеном.

Первая публикация надписи принадлежит непременно секретарю Парижской Академии надписей и изящной словесности Дезире Рауль-Рошетту, получившему ее копию, снятую П. Дюбрюксом в 1820 г. и переданную И.П. Бларамбергу, от И.А. Стемпковского [Raoul-Rochette, 1822, pl. IV, fig.3; 8, л. 3—3 об.; Кёппен, 1928, с. 82—83]. Через год ее издал П.И. Кёппен по собственной копии [Körpen, 1823, s. 48]. Этому же

открытию была посвящена анонимная статья в "Московском телеграфе" за 1826 г. [[Муханов], 1826]. В указателе содержания журнала "Московский телеграф" [Попкова, 1990, с. 79 №654] автором статьи назван П.И. Кёппен, но с этим вряд ли можно согласиться. Среди рукописных материалов академика П.И. Кёппена сохранилась неизданная статья в нескольких редакциях "Ахденизовская надпись. Артемизион или лунопоклонение на берегах Ахденизовского лимана", написанная, вероятно, в начале 1820-х гг. Статья, главным образом, посвящена анализу античной письменной традиции о культе и храмах Артемиды в Греции и Малой Азии, т.к. П.И. Кёппен не сомневался в принадлежности надписи Ксеноклида храму Артемиды, сооруженному в древности на берегах нынешнего Ахтанизовского лимана [9, л. 102—148 об.]. Тематика исследования П.И. Кёппена и детали изложения разительно отличаются от содержания анонимной статьи в "Московском телеграфе".

В известном библиографическом указателе П. Прозорова автором последней назван Павел Александрович Муханов (1798—1871), впоследствии известный собиратель русских памятников, историк, палеограф, председатель Археологической комиссии, почетный член имп. Русского археологического общества [Прозоров, 1898, с. 220; Р-в, 1897, с. 245—246]. В статье есть указание, что сведения о находке автор получил во время путешествия в Крым и Тамань, направляясь из Тамани в Темрюк. Из текста П.И. Кёппена, напротив, явствует, что "проезжая из Екатеринодара в Тамань, в деревне Ахденисовке, лежащей на пути от Темрюка, в церкви видел я два камня с эллиногреческими надписями, о коих я уже предварительно был уведомлен в Екатеринодаре от господ учителей тамошней гимназии Толмачева и Збигнева" [9, л. 105].

Статья П.А. Муханова не лишена неточностей. Так, он сообщает другую дату находки — 1819 г., и пишет, что надписи были выбиты на камнях белого мрамора, хотя в действительности на известняковых плитах.

Не зная о вышедшей в Вене публикации П.И. Кёппена "Древности северного берега Понта", П.А. Муханов с сожалением отметил, что такой важнейший эпиграфический памятник, как надпись Ксеноклида, обойден вниманием со стороны отечественных ученых. Автор вступил в спор с Рауль-Рошеттом о точности опубликованного последним списка надписи, отметил уникальность эпитета богини — Агротера. У него не

вызывало сомнений, что крестьяне обнаружили фундамент храма "Дианы Ловитвы". Основная заслуга публикации в том, что в ней приведен не только рисунок двух камней с надписью Ксеноклида, но и "Глазомерный план части окрестностей села Акденизовки" и "План основания храма Дианы [[Муханов], 1826, рис. между с. 88—89, 342—343].

Вероятно, во время посещения П.И. Кёппеном ст. Ахтанизовской фундамент храма еще не был открыт полностью. Ученый полагал, что камни с надписью, найденные в разных частях здания, были вторично использованы при постройке какого-то более позднего сооружения [Кёппен, 1828, с. 81], но с ним не согласились Ф. Дюбуа де Монпере и К.К. Гёрц [Dubois de Montpereux, 1843, р. 58—59; Гёрц, 1898а, с. 153—156]. Сведениями из анонимной статьи в "Московском телеграфе" воспользовался А.Б. Ашик, переиздав планы, но даже не сославшись на предшественника [Ашик, 1848а, с. 52, прим. 2, рис. 10]. К. К. Гёрц писал, что при посещении им горы св. Бориса и Глеба в 1859 г. общий план здания еще явственно обрисовывался валом и рвом, образовавшимся в результате раскопок крестьян, где остались заметны обломки тесаных известняковых плит [Гёрц, 1898а, с. 154—155]. Лишь век спустя, в 1955 г. на вершине горы Бориса и Глеба Н.И. Сокольским были открыты сохранившаяся часть фундамента часовни XIX в., несколько рустованных блоков, известняковые барабаны колонн дорического ордера с 16 каннелюрами, капитель и база пилястр. Г.И. Сокольский, основываясь на близости пропорций архитектурных деталей, высказал предположение о их принадлежности одному зданию, вероятно — поздней постройке храма Артемиды Агротеры, и датировал их I в. до н.э. — I в. н.э. [Сокольский, 1957, с. 244—245].

Перед нами прошло лишь несколько страниц истории археологического изучения Таманского полуострова. В первые десятилетия после присоединения новых земель к России множество археологических, эпиграфических, нумизматических памятников попало в поле зрения образованных людей, нарождающейся дворянской служилой интеллигенции, прежде всего военных и чиновников местной администрации. Постепенно преодолевался обыденно-эмпирический, а в крайнем своем проявлении утилитарный подход к древностям Новороссийского края. Мраморы и надписи перестали вделывать в стены новых построек или пережигать на известь, а напротив, стали собирать сначала в храмах, затем в частных коллекциях и государственных музеях. С появлением музеев в Новороссии

на повестку дня встал вопрос о переходе от случайных, эпизодических раскопок к планомерным, систематическим исследованиям античных памятников Боспора, к постепенной выработке методических приемов работы с источниками. Но эти сюжеты выходят за рамки настоящей статьи.

Архивные источники и литература

1. Центральный государственный военно-исторический архив. Ф. 349. Оп. 40. Д. 4390.
 2. Крымский краеведческий музей. КП—22971.
 3. Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 1. Оп. II-1822. Д.38.
 4. Архив Государственного Эрмитажа. Ф.1. Оп. I-1854. Д.18.
 5. Центральный государственный архив Военно-морского флота. Ф.25. Оп. I. Д. 22.
 6. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Нем. Q181.
 7. Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 1. Оп. I—1831. Д. 14/1.
 8. С. Петербургский филиал Архива Российской Академии наук. Ф. 30. Оп. 3. Д. 282.
 9. С. Петербургский филиал Архива Российской Академии наук. Ф. 30. Оп. I. Д. 475.
- Ашик, 1848а — Ашик А.Б. Воспорское царство. Одесса. Т. 1.
Ашик, 1848б — Ашик А.Б. Воспорское царство. Одесса. Т. 2.
Будылина, Брайцева, Харламова, 1961 — Будылина М.В., Брайцева О.И., Харламова А.М. Архитектор Н.А. Львов. М.
Воронов, Михайлова, 1983 — Воронов А.А., Михайлова М.Б. Боспор Киммерийский. М.
Гёрц, 1898а — Гёрц К.К. Археологическая топография Таманского полуострова // Собр. соч. СПб. Вып. 1.
Гёрц, 1898б — Гёрц К.К. Исторический обзор археологических исследований на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г. Преимущественно по неизданным источникам // Собр. соч. СПб. Вып. 2.
Глумов, 1980 — Глумов А.Н., Н.А. Львов. М.
ДБК — Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в императорском музее Эрмитажа. СПб., 1854—1855. Т. 1—3.
Дмитренко, 1896а — Дмитренко И.И. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. СПб. Т. 2. 1787—1795.

Дмитренко, 1896б — Дмитренко И.И. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. СПб. Т. 3. 1787—1795.

Дмитренко, 1898 — Дмитренко И.И. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. СПб. Т. 4. 1795—1799.

Зограф, 1961 — Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. №16.

Карейша, 1844 — Карейша Д.В. Разрытие курганов возле Керчи и Тамани в 1842 и в начале 1843 года // ЗООИД. Т. 1. С. 609—620.

КБН — Корпус Боспорских надписей. М.; Л., 1965.

Кёлер, 1850 — Кёлер Е.Е. Рассуждение о памятнике царицы Комосарии // Археолого-нумизматический сборник, изданный Г.И. Спасским. — М. С. 99—132.

Кёппен, 1828 — Кёппен П.И. Древности северного берега Понта. М.

Латышев, 1889 — Латышев В.В. Неизданная рукопись Дюбрюкса "Извлечение из дневника раскопок, произведенных в нескольких керченских курганах в 1817 и 1818 гг." // ЗООИД. Т. 15. Отд. 1. С. 116—149.

Латышев, 1896 — Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб.

Марти, 1926 — Марти Ю.Ю. Сто лет Керченского музея. Керчь.

[Муханов], 1826 — [Муханов П.А.] О развалинах храма Дианы Ловитвы на острове Тамане // Московский телеграф, издаваемый Николаем Полевым. Ч. 9. №9. Отд. 1. С. 5—11.

Паллас, 1883 — Паллас П.С. Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань // ЗООИД. Т. 13. Отд. 1. С. 35—92.

Петров, 1864 — Петров Н.П. Сборник материалов для истории императорской Санкт-Петербургской Академии художеств за 100 лет ее существования. СПб. Т. 1.

Попкова, 1990 — Попкова Н.А. Московский телеграф, издаваемый Николаем Полевым: Указатель содержания. Саратов. Вып. 1. 1825—1828.

Прозоров, 1898 — Прозоров П.И. Систематический указатель книг и статей по греческой филологии, напечатанных в России с XVII столетия по 1892 г. на русском и иностранных языках. С прибавлением за 1893—1895 гг. — СПб.

Р-в, 1897 — Р-в В. Муханов П.А. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 39. С. 245—246.

Розанова, 1949 — Розанова Н.П. Посвятительная надпись Санергу и Астаре. Памятник царицы Комосарии//ВДИ. №2. С. 86—93.

Ростовцев, 1914 — Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб. Т. 1—2.

Ростовцев, 1925 — Ростовцев М.И. Скифия и Боспор: Критическое обозрение памятников литературных и археологических. — Л.

Сокольский, 1957 — Сокольский Н.И. Находки на вершине горы Бориса и Глеба на Таманском полуострове//СА. №1. С. 244—246.

Формозов, 1975 — Формозов А.А. К летописи археологических исследований в Северном Причерноморье в первой половине XIX века//СА. №1. С. 171—175.

Clarke, 1812 — Clarke E.D. Voyages en Russie, en Tartarie et en Turquie. P. T. 1.

Dubois de Montpereux, 1843 — Dubois de Montpereux F. Voyage autor du Caucase ets. P. T.5.

Guthrie, 1802 — Guthrie M. A tour, performed in the years 1795—1796, through the Taurida ets. L.

Köhler, 1805 — Köhler H.K.E. Dissertation sur le monument de la reine Comosarye. SPb.

Köppen, 1823 — Köppen P. Alterthümer am Nordgestade des Pontus. Wien.

Pallas, 1801 — Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig. Bd.2.

Pallas, 1803 — Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig. Bd.2.

Raoul-Rochette, 1822 — Raoul-Rochette D. Antiquites grecques du Bosphore Cimmerien. P.

Список сокращений

АО	— Археологические открытия
ВДИ	— Вестник Древней Истории
ГАИМК	— Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса
ЗСКОАИЭ	— Записки Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии
Изв. ИАО	— Известия Императорского археологического общества
ИАК	— Известия археологической комиссии
ИНИОН	— Институт научной информации по общественным наукам Академии наук СССР
ИТУАК	— Известия Таврической ученой архивной комиссии
ИА АН СССР	— Институт археологии Академии наук СССР
КСИА	— Краткие сообщения института археологии
КСИИМК	— Краткие сообщения института истории материальной культуры
ЛО ИА АН СССР	— Ленинградское отделение института археологии Академии наук СССР
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МГУ	— Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МГПИ	— Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина
РАНИИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА	— Советская археология
СГАИМК	— Сообщения ГАИМК
Тр. МАО	— Труды Московского археологического общества
ЯГПИ	— Ярославский государственный педагогический институт
BSA	— The annual of the British school of Athens.

Содержание

От редактора	3
И. В. ТУНКИНА. К истории археологического изучения Таманского полуострова в конце XVIII — первой четверти XIX вв.	6
А. П. АБРАМОВ, Я. М. ПАРОМОВ. Раннеантичные поселения Таманского полуострова	25
Т. Д. НИКОЛАЕНКО. Женская мраморная головка с Таманского полуострова	99
Я. М. ПАРОМОВ. Археолого-топографический план Фанагории	111
А. Г. АТАВИН. Краснолаковая керамика IV—VI вв. н.э. из Фанагории ...	149
А. В. ОКороКОВ. Датировка и классификация судовых железных якорей III в. до н.э. — XI в. н.э.	172
Список сокращений	192

СПРАВКА
 ОБ ЭКСПОНАТНОМ РЕСТУРЖИВАННИИ
 ПО ТЕЛЕФОНУ:
 247-22-03